

Когда двое закончили возиться и приводить себя в порядок, солнце уже клонилось к закату. Сольхахан с довольным видом оглядела Вэй Чи: надо же, этот человек словно создан для любой одежды — в своем новом наряде он выглядел точь-в-точь как знатный юноша из Мо-нани. Вэй Чи погладил живот:

— Проголодался...

Сольхахан рассмеялась:

— Разве можно в таком виде звать слуг подать ужин? Сходи-ка надень на себя что-нибудь попроще и принеси из кабинета сладостей. Перекусим чем есть, а потом поскорее отправимся в путь!

Вэй Чи кивнул. Сама Сольхахан сейчас выглядела весьма скромно, и если бы не её природная благородная стать, она бы в таком наряде сошла за простую служанку, идущую рядом с ним. Закуски из кабинета оказались лишь сухим печеньем да орехами, от которых быстро наступало пресыщение. Сольхахан съела пару штук и отложила угощение, Вэй Чи тоже вскоре перестал жевать.

— Пойдем лучше на улицу, — Сольхахан спрятала за пазуху кошелек, перевязанный серебряной нитью.

Вэй Чи убрал поднос и, следуя за Сольхахан, вышел из спальни. Через парадный двор идти было нельзя: хотя в поместье Сольхахан никто не посмел бы болтать лишнего, не стоилошний раз привлекать внимание. Миновав спальню, Сольхахан потянула Вэй Чи за собой, пробираясь на цыпочках к заднему двору. Дворец был огромен, и им потребовалось четверть часа, чтобы выбраться из лабиринта коридоров. Оказалось, что за домом расположен пруд. В отличие от садов Центральной равнины с их причудливыми скалами и беседками, здешний водоем поражал строгой геометрией и монументальностью. Пруд был неглубоким, но огромным, а его края были выложены белым камнем хунлунь, образующим четкие углы. Дно было выложено цветными керамическими черепками, складывающимися в узоры, напоминающие орнаменты на монанских коврах. В пруду не было ни кувшинок, ни рыб, только чистейшая вода, отливающая глубокой синевой.

— Забавно, а ведь ваш пруд — квадратный! — Вэй Чи смотрел на него с галереи. Подойдя ближе, он заметил, что площадь прорезана множеством каналов: одни направляли воду в пруд, другие — из него, и их переплетение создавало причудливый узор. Очень изящно!

Наступил вечер, и множество слуг потянулись с заднего двора к хозяйственным постройкам. Сольхахан, не теряя времени, потянула Вэй Чи к боковой калитке. Выйдя за пределы двора, они свернули на узкую тропинку, окруженную густыми зарослями. В Мо-нани не было высоких деревьев, так что эти плотные кустарники едва скрывали их фигуры. В лучах заката двое статных юношей, держась за руки, бежали вперед — один смеялся, а вслед за ним и другой. Казалось, цветы и листья вокруг померкли, став лишь скромным фоном для них.

В конце тропинки показалась дверца. Толкнув её, они оказались в питомнике. Пока Вэй Чи с любопытством разглядывал диковинные растения, Сольхахан занервничала. Она поспешно потянула его в самый дальний угол, где у цветочной стены обнаружилась железная дверь. Сольхахан раздвинула ветви, достала маленькое шило и принялась ковыряться в замке. Вэй Чи усмехнулся: похоже, этот путь ей хорошо знаком. Стену густо обвивала глициния, но до лета было еще далеко, и цветы лишь едва начали набухать. Ветви скрывали их обоих, и Вэй Чи, видя, как Сольхахан обливается потом, протянул руку, чтобы отодвинуть листья и впустить немного света, помогая принцессе в её преступном деле. С ночным ветерком тишина сада стала еще ощутимее, и их частое дыхание звучало совсем рядом. Вэй Чи отвел взгляд, наблюдая за сосредоточенной Сольхахан — она, казалось, не замечала его внимания, продолжая упорно возиться с замком. Небо темнело. Вэй Чи поднял руку выше, приложил усилие, и несколько бутонов осыпались с веток прямо ей на плечи и спину.

— Ха, — хотел было сказать Вэй Чи, не зная, к ней или к цветам относится этот вздох.

Щелк! Замок наконец поддался.

— Быстрее! — Сольхахан развернулась, схватила Вэй Чи за руку и бросилась прочь. Едва они успели закрыть за собой дверь, как из-за стены послышался грубый мужской голос, а следом за ним — лай собаки. Сольхахан, боясь, что Вэй Чи издаст хоть звук, одной рукой обхватила его за шею, а другой зажала рот. Они замерли. Спустя полчаса голос и лай стихли вдали. Сольхахан облегченно выдохнула. Вэй Чи снял с её волос цветок и щелкнул её по носу:

— Недурно! Очень похоже на то, как я в детстве сбегал с уроков!

Сольхахан покраснела и хлопнула его по руке:

— Ты собираешься здесь со мной болтать или мы пойдем на рынок?

— На рынок, конечно, на рынок, — Вэй Чи принял покорный вид.

Сольхахан склонила голову, задумалась и, не сдержавшись, рассмеялась:

— Ты что, тоже взламывал замки, когда сбегал?

— Именно! — Вэй Чи серьезно поднял палец. — Но цель у нас была разная. Ты сбегала, чтобы играть, а я — чтобы воровать еду!

Сольхахан потянула его за руку:

— По твоему виду это нетрудно было угадать!

Рынок находился далеко от дворца, и когда они добрались туда, на западном небосклоне уже показался тонкий серп луны. Это был не просто рынок. В Мо-нани мягкий климат держался лишь весной и летом, и сейчас, в начале весны, наступало время праздника под названием День прикосновения к цветам.

— Цветы вот-вот распустятся, и нужно к ним прикоснуться, чтобы они зацвели еще ярче, — пояснила Сольхахан.

— Коснуться — и цветок завянет... Что это за странный праздник? — удивился Вэй Чи. Неужели монанские цветы без этого не расцветают?

Сольхахан снова рассмеялась:

— Ты такой непонятливый? Разве кроме цветов на деревьях нет еще и тебя, моего цветочка?

Вэй Чи задумался и, кажется, начал понимать: значит, нужно прикасаться к людям?

— ...Правда можно прикасаться?

Сольхахан не выдержала и отвесила ему пару легких оплеух по макушке:

— У тебя такое выражение лица, что смотреть противно!

— Если я тебе противен, зачем ты меня трогаешь? — Вэй Чи потер голову, чувствуя себя оскорбленным. — Я же не мужчина, что в моем вопросе такого противного?

— Это прикосновение — лишь метафора, — терпеливо объяснила Сольхахан. — Это значит, что двое влюбленных гуляют по рынку, держась за руки. Держась за руки! Понял?

Вэй Чи почуял запах жареного теста и вытянул шею:

— Идем, идем, этот праздник нас не касается! Лучше посмотрим, что тут можно поесть.

Сольхахан скривила губы:

— Почему не касается? А вдруг ты встретишь своего честного человека?

— Верно! Тебе тоже стоит быть внимательнее! Увидишь честного человека — дай знать, я сразу побегу и прикоснусь!

Сольхахан снова хлопнула его по руке за дерзость.

Рынок, хоть и не такой разнообразный, как в столице Великой Ци, был полон жизни. Они толкались в толпе, глаза по сторонам. Вэй Чи не понимал монанского языка, поэтому просто следовал за ней туда, где было побольше народу. Сольхахан крепко держала его за руку:

— Там монахи совершают обряд бракосочетания, ты тоже хочешь попросить благословения?

Вэй Чи почесал в затылке:

— Я думал, там силовой аттракцион... столько людей... — Он наконец вспомнил, что он здесь гость, и послушно позволил Сольхахан вести себя, перестав метаться из стороны в сторону.

Вэй Чи решил, что в Мо-нани есть несколько отличных блюд. Во-первых, баранина. Раньше он не любил её из-за специфического запаха, но здешние бараны были какими-то особенными — никакого неприятного привкуса, только жирность, от которой Вэй Чи, если бы мог, ел бы её каждый день. Едва войдя на рынок, он тут же потащил Сольхахан к прилавку с мясом. Она, привыкшая к такой пище с детства, не видела в ней ничего особенного, но, уступив ему, съела пару кусочков. Второе — это монанские сладкие лепешки. В степи не росли сахарный тростник или свекла, поэтому, помимо привозного сахара из Великой Ци, здесь использовали сливовое варенье. Сливы росли на низких кустарниках, урожай был богатым, но плоды не были достаточно сладкими, поэтому знатные люди их не жаловали. Зато для выпечки это было лучшее лакомство! Кисло-сладкая начинка совсем не приедалась, а тесто было мягким и нежным. Вэй Чи выбрал два печенья в форме белых кроликов: одно отдал Сольхахан, другое начал грызть сам. Сольхахан, глядя на его довольную физиономию, не удержалась от улыбки. Кролик был сделан так искусно, что она не решилась его съесть, оставив как забавную безделушку.

У лавки с фигурками из теста Вэй Чи снова остановился как вкопанный. Он купил две фигурки — мальчика и девочку — и предложил Сольхахан выбрать. Когда она замялась, продавец затараторил что-то по-монански. Сольхахан покраснела и поспешно выбрала фигурку девочки. Продавец, увидев её выбор, с гордостью выпалил еще целую тираду. Сольхахан, сгорая от стыда, потащила Вэй Чи прочь.

— Что он сказал? — Вэй Чи уже успел съесть своего мальчика.

— Он сказал... — Сольхахан бросила на него сердитый взгляд. — Он сказал...

Вэй Чи хитро прищурился:

— Неужели пожелал нам, чтобы влюбленные соединились навеки?

Они переглянулись и одновременно расхохотались.

Впереди загремели барабаны — там показывали представления. Но в Мо-нани не пугали детей битьем камней на груди, здесь двое здоровяков с голыми торсами просто боролись друг с другом. Странно, но люди здесь, к северу от реки Фэньцзян и гор Байюнь, были ниже ростом, чем северяне Великой Ци, но при этом коренастые и жилистые. Эти двое были лишь на полголовы выше Вэй Чи, но их плечи были толщиной с его бедра. Они прыгали по кругу, ожидая сигнала барабанов, чтобы начать схватку.

Сольхахан взяла Вэй Чи под руку:

— Слышала, ты обучен боевым искусствам. Как думаешь, справился бы с ними?

— Брось... Мои приемы — лишь пустая показуха, — вздохнул Вэй Чи. — Я учился только ради самообороны, разве я гожусь для поля битвы?

Сольхахан прикрыла рот рукой, скрывая смехок:

— Где же твой дух? Разве в Великой Ци не поют пьесы о женщинах, переодетых мужчинами, что сражались и побеждали врагов? Если они могут, почему не можешь ты?

Вэй Чи посмотрел на серьезное лицо Сольхахан:

— Та пьеса? Это ложь... Я читал книги — в то время вообще не было таких сражений. Литераторы любят приукрасить. Сначала это была просто стычка с разбойниками, женщина погибла почти сразу, а потом подоспели правительственные войска. Сказители же добавили красок, превратив пару десятков человек в многотысячную армию.

Сольхахан ущипнула его за руку:

— Книжный червь! Как ты можешь так себя принижать!

Вэй Чи ойкнул, подумав: с такой силой в руках тебе самой бы в генералы идти!

Оставив место представлений, они оказались на улице, где торговали мелкими украшениями. Сольхахан оживилась и потянула Вэй Чи к прилавкам. Сначала ему было любопытно, но, присмотревшись, он разочаровался: здешние безделушки не шли ни в какое сравнение с изделиями Великой Ци. Сольхахан, напротив, была неутомима, заглядывая в каждую лавку.

— Постой, ты же говорил, что они не изящные? Почему тогда выбрал это? — Сольхахан указала на цветок из красного агата и ароматного дерева, который Вэй Чи вертел в руках.

— В Центральной равнине таких нет, — Вэй Чи внимательно рассматривал украшение. Оно явно было сделано по образу степных цветов.

— Неужели собираешься носить? — Сольхахан поддразнила его.

— Зачем мне носить? Я подарю его одной девушке.

Сольхахан задумалась: кому? Неужели дочери Фэн А? Говорят, эта девчонка сумасбродная, сама пришла в дом Ван Юньи требовать его к себе.

Вэй Чи отдал украшение продавцу и расплатился:

— Девушке из столицы. Когда я только приехал в столицу, познакомился с одним ученым, который потом стал первым на экзаменах. Мы стали как братья. У меня тогда не было друзей, и я часто бывал у него в гостях. У него есть сестра, ей тринадцать, когда я её впервые увидел, она даже волосы еще не собирала в причёску. Я часто с ней шутил, она мне как родная. Когда я уезжал, эта глупышка плакала навзрыд... Поездка выдалась спокойной, а такого украшения в столице нет, это будет знаком моего внимания.

Сольхахан тихо произнесла «о» и опустила голову, продолжая выбирать что-то для себя. То, что она держала в руках — изящный гребень — вдруг показалось ей неинтересным. Она не стала его откладывать, а просто схватила еще несколько случайных безделушек и бросила продавцу, чтобы тот посчитал всё вместе.

Они вышли к центру рынка. Множество девушек и юношей водили хороводы вокруг костра, распевая песни. Людей было так много, что Вэй Чи, боясь потерять Сольхахан, крепко взял её за руку. Они шли сквозь толпу, не говоря ни слова. За центром рынка праздник заканчивался.

Они вышли за пределы шумной площади. Толпа поредела. Хотя для многих здесь вечер только начинался, им двоим пора было возвращаться.

— Там, откуда я родом, — Вэй Чи указал под ноги, — чтобы выйти с рынка, нужно перейти через мост. В детстве я ходил с учителем на ярмарку, и когда мы уходили, я стоял у перил и грустил. Я знал, что, входя, мы переходили через мост в радостном предвкушении, но забыл, что, уходя, придется перейти его снова... Повзрослев, я ко многим вещам охладел, но, проходя мимо храмовых ярмарок, я часто замираю, глядя на людей, идущих по мосту. Кто знает? Когда ты идешь в приподнятом настроении, думаешь ли ты о том, что человек, с которым ты разминулся, сейчас в печали?

Выход с монанского рынка был перекрестком: с одной стороны шум, с другой — тишина.

Сольхахан посмотрела в сторону тишины, слабо улыбнулась и потянула Вэй Чи обратно:

— С чего бы это печалиться? В следующий раз придем снова, вот и всё.

Они шли домой в полном молчании. Монанская мостовая отличалась от столичных плит, она

не была такой холодной и твердой. Жилые дома вокруг уже спали, лишь насекомые стрекотали в траве. Вэй Чи закрыл глаза, представляя, что идет по территории Академии Ханьлинь — может, в кабинет, а может, в чайную. Но ветер с привкусом степных трав напоминал: это окраина, далекая окраина...

Путь туда казался долгим, а обратно — пролетел мгновенно. Увидев ветви, перелезающие через стену, Вэй Чи вспомнил, как Сольхахан открывала замок, как цветы цеплялись за его руки и как бутоны падали на её плечи.

— Мне пора, и ты иди, — Сольхахан помахала ему рукой.

Вэй Чи игриво удержал её и вложил что-то в ладонь.

Сольхахан разжала пальцы — это была шпилька, украшенная мелкими цветными бусинами, дешевая, но милая вещица.

— Я умею делать только одну прическу, — Вэй Чи указал на свою голову. — Сама приколи.

Сольхахан смутилась, но всё же вынула свою заколку и приколола ту, что подарил Вэй Чи. Он осмотрел её со всех сторон:

— О, госпожа Цицигэ, вы прекрасны, вам всё идет!

— Почему не дал её, когда покупал? Неужели не знаешь, что подарки должны быть сюрпризом? — недовольно спросила она.

Вэй Чи опешил:

— Людей было много, я боялся, что ты уколешься...

Сольхахан пригрозила ему пальцем:

— Запомни на будущее: дари мне что-нибудь подороже!

Вэй Чи рассмеялся, уклоняясь:

— Будет сделано... Надеюсь, принцесса проявит снисходительность к моему жалованью...

Луна поднялась в зенит, стало холодно. Вэй Чи прикинул время: хоть комендантского часа и не было, возвращаться слишком поздно не стоило. Он сложил руки в приветственном жесте, готовясь уйти.

Сольхахан увидела, что Вэй Чи снимает верхнюю одежду, и поспешно остановила его:

— Холодает, зачем ты её снимаешь! — Она сама поправила ему воротник. — Иди быстрее.

Вэй Чи решил подразнить её:

— О! Значит, это подарок мне?

— Да! Подарок, в знак взаимности, доволен? — Сольхахан подтолкнула его в спину. — Иди, а то опоздаешь.

Вэй Чи смотрел, как она поднимается по ступеням, и махал ей на прощание.

Сольхахан вдруг почувствовала укол в сердце:

— Тебе понравилось сегодня вечером?

— Понравилось! — крикнул Вэй Чи, помахав рукой.

Раз понравилось — хорошо...

Вэй Чи быстрым шагом направился к Хутаясы, а когда до дома осталась всего улица, накинул пальто обратно.

— Господин Вэй? Вы сегодня выходили? — поприветствовал его часовой у ворот.

— Да. Чэнь Ху не видел? — Вэй Чи кивнул.

— Чэнь Ху? Нет!

Войдя во двор, он увидел, что Чэнь Ху уже ждет его:

— Господин, что у вас в руках?

Вэй Чи сухо ответил:

— Одежда. Буду носить её, когда выхожу. Не клади в сундук, оставь у себя, если понадобится — спрошу.

— Слушаюсь! — ответил Чэнь Ху. Когда Вэй Чи прошел мимо, Чэнь Ху не удержался и принялся... какой аромат. Цветочный...

<http://bllate.org/book/21780/2252235>